

https://farid.ps/articles/sabra_and_shatila_massacre/ru.html

Резня в Сабре и Шатиле

На рассвете двадцатого века присутствие евреев в Палестине было скромным: разбросанные **кибуцы** сельскохозяйственные, несколько городских общин и возрождение иврита, в основном ограниченное литургией и наукой. Пейзаж начал меняться с **Соглашения Хаавара (Трансфер)** 1933 года и **Конференции в Эвиане** 1938 года, которые — очень по-разному — способствовали эмиграции евреев из Европы под контролем нацистов. В течение нескольких лет иммиграция умножила еврейское население Палестины во много раз, изменив демографический баланс и политический горизонт этой земли.

Декларация Бальфура 1917 года, позже включенная в условия **Британского мандата**, обещала поддержку «установления в Палестине национального очага для еврейского народа», при этом — ключевым образом — оговорила, что «ничто не будет сделано, что может ущемить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин». Однако с первых дней сионистского движения его лидеры говорили о *завоевании и колонизации* как о необходимых этапах к государственности. Мыслители вроде Теодора Герцля, Хайма Вейцмана и позже Давида Бен-Гуриона не спорили, должно ли существовать еврейское государство в Палестине, а как его обеспечить и расширить на земле, уже обитаемой.

Для коренного населения — мусульман, христиан и евреев — перспектива массовой иммиграции под колониальным мандатом вызывала как тревогу, так и сопротивление. Арабские восстания конца 1930-х отражали страхи, что то, что подавалось как убежище от европейских преследований, на практике становилось инструментом лишения собственности. То, что началось как параллельные сообщества под османским правлением, перестраивалось в соперничающие национальные проекты под британским надзором.

Накба

В ноябре 1947 года **План раздела ООН (Резолюция 181)** предложил разделить землю на два государства, выделив **56 процентов Палестины** еврейскому населению, которое на тот момент составляло примерно треть жителей и владело около **7 процентов земли**. Для палестинского арабского большинства это выглядело менее компромиссом, а больше как лишение собственности, санкционированное международным декретом. Когда вспыхнула гражданская война между сообществами и британцы отступили, сионистские силы быстро двинулись, чтобы закрепить и расширить выделенную им территорию.

К 1948 году события ускорились за пределы воспоминания. Вооруженная борьба, которую вели сионистские парамилитари — особенно **Иргун** и **Лехи** — против арабских сообществ и британской администрации, переросла в открытое восстание. Их бом-

бардировки и убийства простирались далеко за пределы Палестины; один удар даже поразил **британское посольство в Риме**. Истощенные и все менее способные сдерживать насилие, **Великобритания отказалась от мандата**, передав неразрешимый вопрос Палестины новосозданным **Организациям Объединенных Наций**.

Результатом стала **Накба** — «Катастрофа» — в которой более **700 000 палестинцев** были изгнаны или бежали из домов в ходе систематических кампаний запугивания и разрушения. Деревни были стерты с лица земли, семьи рассеяны по соседним арабским государствам, а национальное общество было демонтировано почти за одну ночь. ООН признала их страдания через **Резолюцию 194** (декабрь 1948 года), подтвердив право беженцев на возвращение или компенсацию. Однако это обещание никогда не было выполнено. Его невыполнение позволило Израилю укрепить новые границы, а арабским странам-хозяевам относиться к присутствию беженцев как к *временному* — переходному состоянию, которое длится уже более семи десятилетий.

Палестинская Диаспора

Насилие 1948 года оставило пейзаж руин и изгнания. Между **10 000 и 15 000 палестинцев** были убиты во время боев, в то время как тысячи других были ранены в резнях и изгнаниях, когда падали города и деревни. Современные исследования, включая тщательную документацию историка **Валида Халиди** в *All That Remains*, фиксируют разрушение **более 400 палестинских деревень**, некоторые полностью стерты с карты, их руины позже застроены новыми израильскими поселениями или лесами, посаженными Еврейским национальным фондом, чтобы скрыть следы обитания.

К лету 1949 года **численность беженцев достигла около 750 000**, из довоенного арабского населения в 1,2 миллиона. Семьи бежали волнами: сначала из прибрежных городов вроде Яффы, Хайфы и Акки; затем из Галилеи и центральных нагорий, по мере продвижения сионистских милиций — вскоре интегрированных в **Силы обороны Израиля (IDF)** — по **Плану Дальет**, стратегическому плану, авторизовавшему депопуляцию областей, признанных враждебными или стратегически важными.

Соседние страны поглощали человеческий поток неравномерно.

- **Иордания** приняла наибольшую долю, около **350 000**, многие из которых позже приобрели иорданское гражданство.
- **Газа**, под египетской администрацией, приняла около **200 000**, раздев ее узкую полосу в одну из самых густонаселенных областей на земле.
- **Ливан** принял около **100 000-120 000**, разместив их в спешно построенных лагерях вокруг Тира, Сидона и Бейрута.
- **Сирия** приняла **80 000-90 000**, переселив их вокруг Дамаска и Алеппо. Меньшие числа достигли **Ирака и Египта собственно**, хотя эти беженцы часто перемещались снова в поисках стабильности и работы.

ООН учредила **Агентство ООН по помощи и работам для палестинских беженцев (UNRWA)** в 1949 году для предоставления пищи, жилья и образования. Однако мандат агентства — предназначенный как временная гуманитарная мера в ожидании репа-

триации — стал лесами постоянного limbo. В то время как **Резолюция 194** признавала право беженцев на возвращение, ни международное сообщество, ни новое государство Израиль не предприняли шагов для его реализации. Арабские страны-хозяева, ссылаясь на ту же резолюцию, отказались предоставлять гражданство, настаивая, что это легитимизировало бы отказ Израиля депатрировать изгнанных. Таким образом, с самого начала беженцы 1948 года оказались зажатыми между двумя отрицаниями: отрицанием возвращения и отрицанием принадлежности.

Палестинские Беженцы в Ливане

Ливан, наименьшее из соседних государств Палестины, нес бремя непропорционально своей величине и хрупкой социальной ткани. Когда первые волны беженцев пересекли его южную границу в 1948 году, они прибыли истощенными, часто пешком или на ослах, неся только ключи от своих домов и документы на потерянную собственность. Около **100 000 до 120 000 палестинцев** вошли в Ливан между 1948 и 1949 годами — около шестой части общей численности беженцев, созданных войной. Но восозданное **Агентство ООН по помощи (UNRWA)** зарегистрировало **127 000** из них к 1952 году, расселив семьи в импровизированных лагерях недалеко от Тира, Сидона, Триполи и окраин Бейрута.

Прием Ливана формировался его собственной **конфессиональной балансом** — демократичным разделением власти между маронитами-христианами, суннитами и шиитами-мусульманами, и друзами — и повсеместным страхом, что предоставление гражданства десяткам тысяч в основном суннитских беженцев нарушит этот баланс. В отличие от Иордании, которая позже натурализовала многих палестинцев, Ливан оставил их **без гражданства**, предлагая резиденцию, но не национальность. Их пометили как **гостей**, термин, подразумевающий как временную защиту, так и политическую эксклюзию.

Изначально беженцы жили в палатках, установленных на грязных участках, завися от пайков UNRWA и экстренной помощи. Со временем палатки уступили место хижинам с крышей из цинка, а позже бетонным, но их **юридическая временность** оставалась кодифицированной. По закону палестинцы были лишены права владеть собственностью, вступать в профсоюзы или работать в более чем семидесяти профессиях, включая медицину, право и инженерию. Движение между лагерями и городами требовало разрешений; доступ к образованию и здравоохранению зависел от постоянно недодотированной системы UNRWA.

В итоге сформировалось двенадцать официальных лагерей, от **Айн-эль-Хильве** недалеко от Сидона — теперь крупнейшего в Ливане — до **Шатилы и Бурдж-эль-Баражне** в Бейруте. Переполненность вскоре достигла ошеломляющих плотностей: в Шатиле **30 000 человек жили на менее чем полкилометра квадратного**. Инфраструктура была минимальной; системы канализации и водоснабжения разрушались; электричество мерцало несколько часов в день. Однако среди лишения лагеря стали также пространствами устойчивости — со школами, клиниками и политическими организациями, поддерживающими коллективную идентичность, укорененную в *праве на возвращение*.

Ливанские власти, поддержанные значительной частью политического истеблишмента, настаивали, что присутствие палестинцев временно. Это настаивание было не только демографическим, но и идеологическим: интеграция беженцев, утверждалось, растворила бы само требование, что они должны однажды вернуться на родину. В результате **палестинское изгнание в Ливане стало как гуманитарным состоянием, так и политическим заявлением** — видимым свидетельством раны, которую арабский мир поклялся никогда не исцелять преждевременно.

Право на Возвращение

Десятилетиями лагеря были не только географией изгнания, но и медленно тлеющим моральным чрезвычайным положением. Представьте поколения, рожденные в переулках с палатками, где дом ваших дедов существует только в воспоминании о ключе под подушкой — где вам, неоднократно и официально, говорят, что вы никогда не принадлежите. После более тридцати лет, когда **право на возвращение** оставалось обещанием на бумаге, резолюции ООН эхом отдавались, но не исполнялись, а страны-хозяева относили перемещение как временную административную проблему, многие палестинцы в Ливане столкнулись с мрачной арифметикой: без гражданства, ограниченная работа, урезанное образование и никакой юридической дороги к возврату земли или достоинства. Бедность была не только материальной; она была юридической: состояние, произведенное и усиленное законами и политиками, делающими постоянство невозможным.

Не трудно увидеть, как такое состояние радикализирует. Когда дипломатические средства останавливаются, а международные институты терпят неудачу в предоставлении исполнения, обычные люди часто хватаются за инструменты в пределах досягаемости — организованную политику сначала, а затем, для некоторых, вооруженное сопротивление. Возникновение Организации Освобождения Палестины (PLO) и ее составных партизанских групп должно читаться на фоне этого лишения. Для многих беженцев взятие оружия не было абстрактной идеологией, а конкретным ответом на повседневное унижение: отрицание базовых гражданских и экономических прав, запечатывание границ и медленное стирание дома. Для населения, которое видело деревни стертые и соседей изгнанных в 1948 году, а затем видело, как международная система признает их права без исполнения, насилие начало казаться единственным языком, способным произвести внимание, рычаг и — как бы трагично — безопасность.

Эта человеческая логика помогает объяснить, почему вооруженные фракции устанавливали базы внутри и вокруг лагерей, почему они организовывали там социальные услуги и почему лагеря со временем милитаризовались. Это не оправдывает последовавшие вреды. Партизанские операции через израильскую границу провоцировали возмездия, падавшие в основном на гражданских; коллективные наказания углубляли ливанитянские страхи и предоставляли предлоги для более жестких мер. Вкратце, поворот к силе создал петлю обратной связи: апатридность и маргинализация толкали части беженской популяции к милитантности; милитантность вызывала военные ответы и политическую делигитимацию; эти ответы усиливали исключение беженцев.

Видя так, вторжение 1982 года — и резня, которая последовала в Сабре и Шатиле — не было спонтанным разрывом, а катастрофическим конечным пунктом цепи, выкованной провалившимися правами, усеченными средствами и эскалирующими циклами возмездия. Моральная сложность ясна: государство и международная система, произведшие *limbo* лагерей, несут ответственность за создание условий, в которых люди чувствовали себя вынужденными сопротивляться — но сопротивление, принимающее насилиственную форму, особенно когда целится в гражданских, также производит новых жертв и расширяет моральную пропасть.

Право на Сопротивление

Международное право само предлагает некоторую основу, как эти выборы были оправданы позже. По **Четвертой Женевской конвенции и Дополнительному протоколу I 1977 года**, население, живущее под **иностранный оккупацией**, имеет право сопротивляться этой оккупации — включая, в определенных обстоятельствах, вооруженными средствами — при условии, что такое сопротивление уважает запреты на нацеливание на гражданских. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно подтверждала этот принцип в 1960-х и 1970-х в резолюциях, признающих «легитимность борьбы народов под колониальным и иностранным доминированием для осуществления их права на самоопределение».

Применяются ли эти положения к палестинцам **живущим в изгнании** вместо напрямую под оккупацией — предмет дебатов. Их земля и дома остались под контролем государства Израиль, однако они сами были заперты в соседних территориях, им откали в возвращении и они были фактически апатридами. Для многих палестинских мыслителей и юристов, это изгнание не аннулировало право на сопротивление; оно лишь перемещало поле битвы. В их взгляде, право на вооруженное сопротивление распространялось на народ, чья оккупация следовала за ними через границы — через изгнания, блокады и военные набеги на сами лагеря беженцев.

На практике эти юридические аргументы мало изменили пережитую реальность: Израиль считал всю вооруженную активность с ливанианской земли агрессией, в то время как Ливан относился к беженским бойцам как к гостям и обязательствам. Результатом стало государство внутри государства — **квази-автономное присутствие PLO в южном Ливане** — терпимое некоторыми фракциями и презирамое другими. По мере продвижения 1970-х, лагеря стали не только символами лишения, но и линиями фронта в расширяющемся региональном конфликте.

PLO в Ливане

К концу 1960-х лагеря беженцев Ливана стали эпицентром палестинского национального движения в изгнании. После **Шестидневной войны 1967 года** и оккупации Израилем Западного берега и Газы, палестинские группы сопротивления оказались расеянными по арабскому миру, их базы в Иордании, Сирии и Ливане превратились в узлы транснациональной борьбы.

В **сентябре 1970 года**, иорданская монархия изгнала PLO после кровавой гражданской войны, известной как **Черный сентябрь**. Тысячи бойцов бежали на север через границу в Ливан, где лагеря предлагали как убежище, так и готовых рекрутов. Этот приток изменил политический баланс Ливана. PLO построила параллельную администрацию — управляющую школами, больницами и системами welfare через свою **Палестинскую Красную Полумесяц**, в то же время организуя вооруженные крылья вроде **Фатах**, **Народный фронт освобождения Палестины (PFLP)** и **Демократический фронт освобождения Палестины (DFLP)**.

Для многих беженцев прибытие PLO символизировало эмпауэрмент: впервые с 1948 года палестинцы не были просто получателями помощи, а агентами своей судьбы. Однако для значительной части ливанитянского политического истеблишмента это выглядело как государство внутри государства. Пересечения границы в северный Израиль привлекали ответные авиаудары, убивавшие ливанитянских гражданских и разрушавшие инфраструктуру, углубляя обиду среди сообществ, которые не выбрали роль хозяина войны.

Неустойчивое сосуществование между ливанитянским государством и PLO было formalизовано в **Соглашении в Каире 1969 года**, опосредованном Египтом. Оно предоставило палестинцам ограниченную автономию внутри лагерей и право носить оружие для сопротивления Израилю — беспрецедентную уступку на суверенной ливанитянской территории. На время этот договор поддерживал хрупкий баланс: Ливан мог заявлять о солидарности с палестинской делом, в то время как перекладывал ответственность за благополучие и безопасность беженцев.

Но по мере ухудшения собственных сектарских напряжений Ливана, договор распался. Военная мощь и политическое влияние PLO выросли, связав его с левыми и мусульманскими фракциями в **ливанской гражданской войне 1975–1990**, в то время как правые христианские милиции, особенно **Фалангисты**, видели палестинцев как демографическую угрозу и иностранную армию. Столкновения между фалангистами и силами, связанными с PLO, вспыхнули по всему Бейруту и югу, превращая кварталы и лагеря в линии фронта.

Израиль, наблюдая хаос за границей, начал видеть Ливан не только как угрозу безопасности, но как возможность. Израильское руководство стремилось нейтрализовать PLO militarnie, в то время как культивировало альянсы с христианскими милициями, делящими общего врага. Начиная с конца 1970-х, Израиль поставлял оружие, обучение и логистическую поддержку **Армии Южного Ливана (SLA)** и элементам **движения фалангистов**, эффективно строя прокси-силу вдоль своей северной границы.

В **марте 1978 года**, после атаки PLO на прибрежное шоссе Израиля, убившей тридцать восемь гражданских, Израиль запустил **Операцию Литáни**, вторгнувшись до реки Литáни и убив более тысячи ливанитянских и палестинских гражданских. Хотя операция оправдывалась как антитеррористическая мера, ее подспудная цель была оттеснить PLO на север и установить буферную зону, патрулируемую SLA. **Временные**

силы ООН в Ливане (UNIFIL) были развернуты в ответ, но их мандат был слабым, а присутствие в основном символическим.

Следующие несколько лет стали свидетелями цикла эскалации: рейдов PLO, израильских авиаударов, ответного обстрела и постепенного укоренения обеих сторон. К **1981 году**, израильские чиновники заявляли о более двухстах израильских смертях ежегодно от трансграничного огня, в то время как ливанитянские города страдали от регулярных бомбардировок в ответ. В тот же период **Ariel Sharon**, тогдашний министр обороны Израиля, замыслил более широкий план — сокрушить PLO militarnie, изгнать ее из Ливана и установить дружественное христианское правительство в Бейруте.

Вторжение 1982 года: Операция «Мир Галилее»

6 июня 1982 года, Израиль запустил полномасштабное вторжение в Ливан под кодовым названием **Операция «Мир Галилее»**. Официально заявленная цель была ограничена: отеснить палестинские партизанские силы на сорок километров севернее границы, чтобы остановить трансграничный ракетный огонь. На деле масштаб операции был нарисован гораздо амбициознее министром обороны **Ариэлем Шароном** и одобрен премьер-министром **Менахемом Бегином**. Незаявленные цели включали уничтожение **военной и политической инфраструктуры PLO**, изгнание ее руководства из Ливана и установку про-израильского правительства в Бейруте под **Баширом Джумейлем**, лидером маронитских фалангистов.

Масштаб наступления раскрыл его истинный замысел. Почти **60 000 израильских солдат**, поддержанных **800 танками, бронетанковыми бригадами и авиаэскадрильями**, пересекли границу в скоординированных ударах вдоль побережья, через центральные нагорья и восточную долину Бекаа. Вторжение быстро подавило позиции UNIFIL и ливанитянские деревни, продвинувшись далеко за пределы 40-километрового лимита в дни. К 8 июня израильские силы захватили **Тир и Сидон**; к 14 июня **Бейрут** сам был окружен — город с почти миллионом гражданских, теперь под осадой.

Человеческие потери были ошеломляющими. По оценкам ливанитянского правительства, **примерно 17 000-18 000 человек** — подавляющее большинство гражданских — были убиты в начальной фазе войны, и тысячи других ранены. Целые кварталы в Сидоне и Западном Бейруте были стерты под непрерывным обстрелом. Журналисты на месте, включая **Роберта Фиска** и **Томаса Фридмана**, описывали сцены апокалиптического разрушения: больницы, работающие при свечах, тела, наваленные в переулках, и дети, несущие белые флаги, ища воду.

Осада Бейрута

К концу июня оставшиеся бойцы PLO — около **11 000** — были укреплены в Западном Бейруте, окруженные Силами обороны Израиля (IDF) с суши, моря и воздуха. Осада длилась почти десять недель. Израильская артиллерия и авиаудары молотили по густонаселенным кварталам день и ночь, отрезая электричество, еду и медицинские поставки. Больницы вроде Госпиталя Газа и Макассед были перегружены. Число погиб-

ших росло ежедневно. Западные дипломаты сравнивали обстрел с осадой Сталинграда, отмечая, что огневая мощь Израиля против запертого гражданского населения была «полностью несоразмерной».

Международное возмущение нарастало. **Совет Безопасности ООН** осудил вторжение в **Резолюции 508**, призывая к немедленному прекращению огня. Посланник США **Филип Хабиб** вел переговоры без устали, чтобы добиться перемирия. После недель давления соглашение было достигнуто в **августе 1982 года**:

- **PLO эвакуирует** Бейрут под защитой **Многонациональных сил (MNF)**, состоящих из войск США, Франции и Италии.
- Израиль остановит продвижение и гарантирует безопасность оставшихся гражданских.
- MNF останется временно для надзора за переходом и предотвращения возмездий.

Между **21 августа и 1 сентября**, почти **14 400 бойцов PLO** и их семьи покинули Бейрут в Тунис, Сирию и другие арабские государства. Эвакуация проводилась под международным надзором и была провозглашена тогда дипломатическим успехом — упорядоченным концом осады, который мог наконец стабилизировать Ливан.

Но мир оказался иллюзорным. Израиль не отступил от периферии Бейрута, как обещал; его силы остались наготове вокруг города. **14 сентября**, всего дни после отплытия последнего конвоя PLO из порта, массивный взрыв разорвал штаб-квартиру фалангистов в Восточном Бейруте, убив избранного президента **Башира Джумейля** — главного союзника Израиля и краеугольного камня послевоенной политической визии Шарона. Убийство, приписываемое члену Сирийской социал-националистической партии, разрушило планы Израиля и погрузило Ливан в новый хаос.

Резня в Сабре и Шатиле

Когда израильские танки вошли в **Западный Бейрут 15 сентября 1982 года**, квартал **Сабра** и примыкающий **лагерь беженцев Шатила** лежали в области, которую они быстро запечатали. Это были густонаселенные районы, домом для оценочно **20 000-30 000 гражданских**, в основном палестинских беженцев и бедных шиитских семей ливанцев. Последние бойцы PLO покинули город две недели раньше. Остались безоружные гражданские — мужчины, женщины, дети и старики — верящие, что они под защитой перемирия, гарантированного США и Израилем.

Убийство **Башира Джумейля**, лидера фалангистов, предоставило повод для мести. В послеобеденное время **16 сентября**, **министр обороны Ариэль Шарон и начальник Генштаба Рафаэль Эйтан** встретились с **командирами фалангистов**, включая **Эли Хобейку**, на передовом командном посту Сил обороны Израиля недалеко от Международного аэропорта Бейрута. Фалангисты — близкие союзники Израиля — были авторизованы войти в лагеря «для искоренения остатков террористов». Израильские офицеры координировали логистику, предоставляли транспорт и окружали район

войсками и бронетехникой. Они также запускали **осветительные ракеты** на протяжении ночей, чтобы облегчить операции милиций.

Внутри фалангистские подразделения начали убивать без разбора. В следующие **сорок часов**, с вечера четверга до утра субботы, они переходили от дома к дому, казня целые семьи, насиلاя женщин и сгребая тела в массовые могилы бульдозерами. Многие жертвы были застрелены в упор; другие убиты ножами или гранатами. Выжившие позже описывали улицы, усыпанные трупами, и вонь разложения, наполнявшую воздух.

Во время резни **израильские солдаты поддерживали кордоны** вокруг лагерей, контролируя точки входа и выхода. Отчеты об зверствах начали просачиваться к израильским командирам по радио в течение часов. Наблюдатели **Международного Красного Креста** и журналисты в соседних районах также предупреждали офицеров IDF о массовых убийствах. Однако армия не вмешалась. Убийства продолжались почти два полных дня, прежде чем милиции наконец были приказаны выйти в 8:00 утра **18 сентября**, после международного возмущения и прямых протестов США.

Жертвы и Доказательства

Число погибших остается спорным, но ужасным в любом подсчете.

- **Международный Комитет Красного Креста** сообщил о по крайней мере **1 500 восстановленных телах**, с общим числом смертей, возможно, достигающем **3 000**.
- **Расследование Генеральной Ассамблеи ООН (1982)** оценило между **2 750 и 3 500** погибших.
- **Израильская Комиссия Кахана** подтвердила **700–800** идентифицированных жертв, но признала, что многие другие погибли.

Среди погибших были палестинцы, ливанские шииты и несколько сирийцев — практически все гражданские.

Ответственность и Соучастие

Хотя резня была проведена **фалангистской милицией, вовлеченностью израильской командной структуры** в возможность операции была неоспорима. Израильские силы:

- **Разрешили** фалангистам войти в лагеря.
- **Окружили** район, предотвращая бегство гражданских.
- **Осветили** ночное небо для удобства убийц.
- **Получили отчеты** о массовых убийствах и ничего не сделали почти два дня.

Когда первые международные журналисты — включая **Роберта Фиска, Лорена Дженкинса и Джанет Ли Стивенс** — вошли в Шатилу 18 сентября, они нашли кошмар: переулки забитые трупами, бульдозерные ямы полные тел и выжившие, блужда-

ющие в шоке. Изображения вынужли глобальное сознание и разбили утверждение Израиля, что он стремился к «миру для Галилеи».

Расследования и Глобальная Реакция

Резня вызвала немедленное международное возмущение. **Генеральная Ассамблея ООН**, в **Резолюции 37/123** (декабрь 1982), осудила ее как «акт геноцида» и признала Израиль ответственным за невыполнение предотвращения. В самом Израиле общественный гнев достиг беспрецедентных уровней: оценочно **400 000 человек** — почти десятая часть населения — маршировали в **Тель-Авиве** требуя ответственности.

Под общественным давлением израильское правительство учредило **Комиссию Кахана по расследованию** в 1983 году. Ее выводы были осуждающими, хотя тщательно сформулированными. Комиссия постановила, что:

- Израиль несет «**косвенную ответственность**» за резню.
- **Ариэль Шарон** был «лично ответственен» за невыполнение действий по предотвращению кровопролития несмотря на ясные предупреждения.
- Другие старшие чиновники, включая **Рафаэля Эйтана**, несут «личную вину».

Шарон был вынужден уйти в отставку с поста министра обороны, хотя остался в кабинете и через два десятилетия стал премьер-министром. Ни один израильский или французский офицер никогда не был подвергнут уголовному преследованию за резню. В 2001 году выжившие искали справедливость через **бельгийское дело о военных преступлениях** против Шарона и других, но дело было отклонено по юрисдикционным основаниям в 2003 году.

Многонациональные силы (MNF) — чье предыдущее отступление оставило лагеря беззащитными — вернулись в Бейрут в конце сентября 1982 года, но их присутствие не могло отменить то, что уже произошло. В течение месяцев вспыхнуло новое насилие: самоубийственные бомбардировки против войск США и Франции, вывод западных сил и более глубокое погружение Ливана в хаос. Среди руин Западного Бейрута выжившие Сабры и Шатилы похоронили своих мертвых в поспешно выкопанных массовых могилах и начали долгую, невидимую работу траура.

В **Ливане**, Сабра и Шатила углубили сектарские раны. Для христианских милиций это закрепило наследие вины и возмездия; для шиитских и палестинских сообществ стало символом сбора страданий и несправедливости. Гражданская война длилась еще восемь лет, оставив около **150 000 убитых**, прежде чем **Соглашение в Таифе (1989)** наконец восстановило хрупкий мир. Однако беженцы остались исключены из национального пакта этого соглашения, все еще без гражданства или прав собственности, все еще заперты в лагерях, которые были домами их родителей и дедов.

На международном уровне резня обнажила ограничения гуманитарного права при отсутствии политической воли. **Резолюции ООН, Женевские конвенции** и зарождающееся понятие **«ответственности за защиту»** все провозгласили обязательства по предотвращению зверств, однако ни одно не перевелось в эффективное исполнение.

Бельгийское дело о военных преступлениях в начале 2000-х кратковременно вновь открыло вопрос ответственности, но в итоге было ограничено реформой юрисдикции. До сих пор ни один суд не судил убийства в Сабре и Шатиле.

Культурно, резня *perdura* как рана и зеркало. Фильмы вроде **«Вальс с Баширом» Ари Фольмана** (2008) исследуют преследующие воспоминания израильских солдат о соучастии; литературные работы вроде **«Врата солнца» Ильяса Хури** и **«Пощади нацию» Роберта Фиска** документируют человеческое опустошение с жгучей интимностью. Для палестинцев годовщина каждого сентября — менее коммеморация, а ритуал *continuity* — напоминание, что та же апатридность, оставившая их беззащитными в 1982 году, *persists* сегодня в ливанитянских лагерях и по оккупированным территориям.

Четыре десятилетия спустя, **Сабра и Шатила** — больше чем исторический эпизод; это моральный ориентир. Оно заставляет конфронтации с последствиями неизлеченного перемещения, невыполненных обещаний, неоспоренной безнаказанности. Показывает, что когда весь народ лишен юридической принадлежности, насилие становится не аберрацией, а неизбежностью, ждущей своего часа.

Выжившие резни теперь стари, их воспоминания тускнеют в историческом регистре, но их свидетельство *perdura* как предупреждение — что права апатридов — мера совести мира. В конце, Сабра и Шатила — не только история резни; это история неоконченного вопроса двадцатого века: *как долго справедливость может откладываться, прежде чем история повторится?*

Эпилог: География Изгнания

Накба и Сабра и Шатила — не изолированные трагедии, а главы единого континуума — история людей, сделанных невидимыми властью, законов, провозглашенных но невыполненных, воспоминаний, милитаризованных и забытых поочередно. Каждый момент в этой цепи напоминает нам, что страдание, когда не признанное, воспроизводит себя в новых формах и на новой земле.

Обещание справедливости осталось в основном риторическим. Однако настойчивость тех, кто помнит — выживших, все еще держащих ключи к исчезнувшим домам, детей, растущих в лагерях беженцев, все еще ждущих возвращения — свидетельствует о чем-то неразрушимом: отказе позволить стиранию быть окончательным вердиктом.

Если есть урок в этой истории, то такой, что никакая безопасность, построенная на лишенности, не может *perdura*, и никакой мир, исключающий справедливость, не может *perdura*. Пока право перемещенных жить с достоинством — будь то возвращением или признанной принадлежностью — не будет почитено, география изгнания продолжит расширяться, и призраки **Сабры и Шатилы** будут шагать рядом со всеми нами.

Ссылки

- Al-Hout, B. N. (2004). *Sabra and Shatila: September 1982*. London: Pluto Press.
- Arens, M. (1982). Statements to the *Washington Post*, June 1982.
- Brynen, R. (2022). *Palestinian Refugees in Lebanon*. Beirut: Institute for Palestine Studies.
- Fisk, R. (1990). *Pity the Nation: Lebanon at War*. Oxford University Press.
- Folman, A. (Director). (2008). *Waltz with Bashir* [Film]. Sony Pictures Classics.
- General Assembly of the United Nations. (1947). *Resolution 181 (II): Future Government of Palestine*.
- General Assembly of the United Nations. (1948). *Resolution 194 (III): Palestine - Progress Report of the United Nations Mediator*.
- General Assembly of the United Nations. (1982). *Resolution 37/123: The Situation in the Middle East*.
- International Committee of the Red Cross (ICRC). (1982). *Field Reports on the Lebanon Conflict*. Geneva.
- Israeli Government. (1983). *Report of the Commission of Inquiry into the Events at the Refugee Camps in Beirut (Kahan Commission)*. Jerusalem: State of Israel.
- Khalidi, W. (1992). *All That Remains: The Palestinian Villages Occupied and Depopulated by Israel in 1948*. Institute for Palestine Studies.
- Khoury, E. (2006). *Gate of the Sun*. New York: Archipelago Books.
- Peteet, J. (2005). *Landscape of Hope and Despair: Palestinian Refugee Camps*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Security Council of the United Nations. (1982). *Resolutions 508 and 521 (1982): Ceasefire and Situation in Lebanon*.
- Shlaim, A. (2000). *The Iron Wall: Israel and the Arab World*. New York: W. W. Norton.